

Шаньюнь Чэнь смотрел, как он плачет, нахмурился, поднял руку и вытер слезы Гу Ицзюэ, сказав мягким голосом:

— Цзюэ-гэ, не плачь, Чэнь-эр так грустно видеть это.

Гу Ицзюэ с горькой улыбкой кивнул:

— Хорошо, я не буду плакать.

После возвращения в комнату слуги уже принесли воду для купания. Гу Ицзюэ снял одежду Шаньюнь Чэня и помог ему сесть в бочку, затем взял ткань и начал мыть ему спину.

Шаньюнь Чэнь, сидя в бочке, начал плескаться, брызги полетели на Гу Ицзюэ, намочив его с ног до головы...

Шаньюнь Чэнь оперся на край бочки, положил подбородок на руки и не отрываясь смотрел, как Гу Ицзюэ снимает верхнюю одежду:

— Цзюэ-гэ, давай купаться вместе, хорошо?

Гу Ицзюэ, учитывая его нынешнее состояние, согласился, шагнул в бочку и сел рядом, помогая ему мыться.

Однако он не заметил, что дыхание Шаньюнь Чэня стало неровным...

После купания они надели нижнее белье и легли в постель. Шаньюнь Чэнь накрылся одеялом с головой, что вызвало недоумение у Гу Ицзюэ:

— Юньчэнь, не прячься под одеялом, это вредно.

Из-под одеяла раздался приглушенный голос:

— Цзюэ-гэ... Мне жарко...

Гу Ицзюэ, услышав это, встревожился, резко сдернул одеяло и приложил руку ко лбу Шаньюнь Чэня. Убедившись, что температуры нет, он тихо спросил:

— Юньчэнь, что с тобой?

Шаньюнь Чэнь не ответил, только его взгляд становился всё более пылким, затем лицо его покраснело, и он снова натянул одеяло на себя...

Гу Ицзюэ наконец понял, в чём дело, прикрыл рот рукой и тихо засмеялся, обнял Шаньюнь Чэня и, чувствуя, как его тело слегка дрожит, медленно провел рукой вниз.

С легкими вздохами под ритм Гу Ицзюэ...

На следующее утро Гу Ицзюэ перевернулся, сонно открыл глаза и увидел, что Шаньюнь Чэнь уже проснулся. Лицо его было раскрасневшимся, и он смотрел на Гу Ицзюэ.

Шаньюнь Чэнь, заметив, что Гу Ицзюэ проснулся, натянул одеяло на рот, оставив снаружи только глаза, которые тревожно моргали.

Гу Ицзюэ, увидев это, с улыбкой спросил:

— Зачем прячешься? Стыдно?

Шаньюнь Чэнь опустил одеяло, перевернулся и навалился на Гу Ицзюэ, уперевшись руками в кровать, и серьёзно произнёс:

— Я... мне совсем не стыдно...

Гу Ицзюэ не смог сдержать улыбку, поднял руку и помахал ею перед его глазами, приподнял бровь и поддразнил:

— Не знаю, кто это вчера до полуночи не давал мне покоя, из-за чего моя рука до сих пор болит.

Шаньюнь Чэнь, услышав это, покраснел до ушей, затем с хитрой улыбкой наклонился к его уху, и зазвучал голос с лёгкой детской интонацией:

— Это потому, что Цзюэ-гэ слишком очарователен, Чэнь-эр не смог удержаться...

[Оказывается, этот... похотливый нрав появился у него ещё в детстве]

Гу Ицзюэ смотрел на него в оцепенении, сердце будто пропустило удар.

Затем он услышал его весёлый голос:

— Цзюэ-гэ, Чэнь-эр очень голоден... Давай вставать.

— Хорошо.

Они встали, оделись и сели за стол. Перед Шаньюнь Чэнем сразу поставили различные питательные супы.

Родители с жалостью смотрели на Шаньюнь Чэня, а Е Ланьсинь ласково уговаривала:

— Юньчэнь, кушай побольше, чтобы тело быстрее окрепло!

Шаньюнь Чэнь с недоумением кивнул и начал пить суп. Гу Ицзюэ с безнадёжностью посмотрел на Е Ланьсинь:

— Мама, ты приготовила слишком много...

Е Ланьсинь с жалостью погладила голову Шаньюнь Чэня и возразила Гу Ицзюэ:

— Ты ничего не понимаешь, ему сейчас как раз нужно восстанавливаться.

Гу Ицзюэ:

«...»

Он пожал плечами и тоже принялся за еду...

Чжоу Синье в этот момент скучал по Ань Юю. Он держал в руках нефритовую подвеску, оставленную Ань Юем, и смотрел на неё с покрасневшими глазами.

В этот момент в комнату вошёл скрытый стражник, опустился на колени и доложил:

— Господин, подчинённый выяснил, что Ань Юй ранее служил у наложницы... Наложница сажает Змеиногу Гу всем своим подчинённым, а Ань Юй перед уходом... навестил наложницу в Дворе Лин...

Чжоу Синье, услышав это, прищурился, крепко сжал в руке подвеску... Закрыв глаза и глубоко вздохнул:

— Хм, ты можешь идти.

— Слушаюсь.

Скрытый стражник мгновенно исчез из комнаты.

Чжоу Синье больше не мог сдерживать слёз, они потекли по его щекам, и он прошептал:

— Юй-эр... Где же ты... Я был неправ.

Через некоторое время он встал и направился во Двор Лин.

Прибыв во Двор Лин, он подавил гнев в глазах и вошел в комнату, сложив руки в приветствии, и холодно обратился к наложнице Лин:

— Приветствую вас, матушка. Е-эр пришёл навестить вас.

Наложница Лин повернулась, подошла к Чжоу Синье и подвела его к столу:

— Е-эр, матушка давно тебя не видела. Ты всегда занят, а сегодня у тебя нашлось время заглянуть. Матушка приготовила твои любимые блюда, поешь со мной.

Чжоу Синье кивнул. Лин Сюэ махнула рукой, и слуги принесли горячие блюда.

Они ели вместе, а Чжоу Синье время от времени подкладывал еду Лин Сюэ.

Когда Лин Сюэ закончила есть и только что положила палочки, Чжоу Синье, накладывая еду себе в миску, с бесстрастным лицом произнёс:

— Матушка, говорят, вы несколько дней назад приходили в мои покои и видели Ань Юя.

Лин Сюэ, услышав это, замерла, затем слегка улыбнулась и посмотрела на Чжоу Синье:

— Недавно он исчез, и мне стало очень любопытно, в чём причина, поэтому я пришла спросить... Е-эр, разве эта мелочь достойна того, чтобы ты приходил спрашивать меня об этом?

Чжоу Синье усмехнулся, продолжая накладывать еду:

— Матушка, я не хочу, чтобы вы снова вмешивались в его дела. Ради него... я могу пойти против всех родных!

Лин Сюэ, услышав это, поперхнулась, сдерживая гнев:

— В таком случае, матушка не станет вмешиваться.

Чжоу Синье встал, сложил руки в приветствии и вышел из Двора Лин.

Лин Сюэ скрежета зубами призвала Ань Пина и холодно спросила:

— Я поручила тебе устранить Ань Юя, как обстоят дела?

Ань Пин сузил зрачки, опустил голову и опустился на колени:

— Подчинённый уже расправился с Ань Юем, я собственными глазами видел, как он испустил дух...

Лин Сюэ лишь тогда успокоилась, махнула рукой, отпуская Ань Пина, и тихо прошептала:

— Е-эр, не вини матушку, матушка не позволит мужчине сбить тебя с пути...

В этот момент за окном промелькнула чья-то тень.

[Матушка... Это действительно ты...]

Ань Юй пролежал без сознания несколько дней, прежде чем очнулся. Проснувшись, он увидел Ань Пина, сидящего рядом, и с недоумением огляделся.

Ань Пин вздохнул и ответил:

— Я вернулся и увидел, что ты ещё дышишь, поэтому принёс тебя к себе домой...

Ань Юй замер, затем сказал:

— Спасибо...

Ань Пин протянул руку и проверил его пульс:

— Твой Змеиный Гу уже нейтрализован. Когда раны заживут, ты сможешь уйти.

Ань Юй кивнул и с улыбкой сказал:

— Спасибо за спасение. Я не буду тебя обременять, завтра я уйду отсюда.

Ань Пин смотрел на него и хотел что-то сказать, но в итоге вздохнул, повернулся и вышел из комнаты.

К полудню Шаньюнь Чэнь сидел в комнате и ему стало скучно. Он подошёл к лежащему в кресле Гу Ицзюэ, слегка покачал его и с улыбкой сказал:

— Цзюэ-гэ, пойдём послушаем сказителя, хорошо?

Гу Ицзюэ, видя его интерес, конечно, не отказался. Он встал, надел верхнюю одежду, приказал слугам подготовить карету, и они вместе отправились в чайный дом.

Войдя в чайный дом, они нашли уединённое место и тихо слушали. Шаньюнь Чэнь, услышав захватывающий момент, тут же хлопнул в ладоши, с возбуждением посмотрел на Гу Ицзюэ и сказал:

— Цзюэ-гэ, статус принца-регента очень могущественный?! Значит, если Чэнь-эр принц-регент, я тоже очень могущественный!

Гу Ицзюэ, подавая ему угощения, с улыбкой успокаивал:

— Конечно, ты принц-регент, обладаешь огромной властью, только император может

приказывать тебе, остальные не могут.

Шаньюнь Чэнь задумчиво кивнул и продолжил внимательно слушать...

Они просидели в чайном доме до самого вечера. Гу Ицзюэ посмотрел в окно, увидел, что темнеет, и обратился к Шаньюнь Чэню:

— Юньчэнь, нам пора возвращаться.

Шаньюнь Чэнь послушно кивнул. Они взялись за руки и встали, но только собрались уходить, как их остановили.

Перед ними стоял тучный мужчина средних лет, одетый в длинное халат с золотой вышивкой, на рукавах которого были вышиты бамбуковые узоры, а на тучной талии висел нефритовый пояс тёмно-зелёного цвета. Его слегка пожелтевшие длинные волосы были высоко собраны в пучок.

Если взглянуть на его лицо, то на круглом, полном лице сидели маленькие глазки, что делало его ещё более желтоватым и тощим, похотливым и отвратительным. Его ожиревшее тело шаталось при ходьбе, что было довольно смешно. Не говоря уже о нелепом виде, одна лишь его улыбка вызывала дрожь.

<http://bllate.org/book/16439/1490294>